

Однако Чжао Юйяо не разжал руки, продолжая перебирать пальцами ладонь Се Вейчжао. Пальцы у того были длинными и сильными, ногти аккуратно подстрижены, а у основания больших пальцев виднелись тонкие мозоли.

Должно быть, они остались от долгих лет тренировок. Если присмотреться, человек в его объятиях был совсем молод — навскидку не больше двадцати одного года или двадцати двух.

Столь юный возраст — и уже личный телохранитель императора, к тому же пользующийся полным доверием Вдовствующей императрицы. Похоже, его личность куда сложнее, чем простого телохранителя.

Впрочем, Чжао Юйяо не испытывал ни малейшего интереса в этом разбираться.

Чжао Юйяо продолжал поглаживать руку Се Вейчжао, сплетаясь с ним пальцами. От теплого прикосновения в сердце снова шевельнулось странное чувство, к которому примешались стыд и досада. Се Вейчжао всей душой желал, чтобы эта сомнительная забава Чжао Юйяо поскорее закончилась.

Заметив, что тот витает в облаках, Чжао Юйяо потянулся и ущипнул его за подбородок: Телохранитель Се всё так же любит отвлекаться? О чем ты снова задумался?

Се Вейчжао отвел взгляд, не осмеливаясь встретиться с ним глазами. А легкий румянец на его лице лишь сильнее раззадорил Чжао Юйяо.

Он наклонился и впился в его губы поцелуем. Се Вейчжао вздрогнул, тело отреагировало быстрее разума: он резко дернулся, пытаясь уклониться.

Ваше Высочество, это место, где рассматривают доклады. Не стоит... — сбивчиво и смущенно возразил Се Вейчжао.

Стол был завален бумагами. В такой серьезной обстановке, да еще среди бела дня — Се Вейчжао не мог принять того, что происходит между ними здесь.

Чжао Юйяо притянул его к себе за талию, так что их губы оказались в паре дюймов друг от друга: Чего ты боишься? Они не посмеют войти. Да и если бы я захотел развратничать среди бела дня, разве телохранитель Се не обязан был бы мне потакать?

Се Вейчжао посмотрел в эти узкие, глубокие очи, в которых таились тяжелые, пугающие чувства. Его сопротивляющиеся руки обмякли. Он был прав — у него с самого начала не было выбора.

Разве есть разница, где это происходит? Похоже, он всё еще слишком плохо осознает свое положение. Он лишь заложник, личная игрушка.

Так будет даже лучше: как только Чжао Юйяо поскорее пресытится им, он обретет свободу.

Губы снова соприкоснулись, и на этот раз Се Вейчжао сам обвил шею Чжао Юйяо. Тот действовал мягко, лишь слегка касаясь его губ, без тени похоти, словно пробуя на вкус.

Се Вейчжао закрыл глаза, слегка нахмурившись, но вел себя покорно. Его движения уже не были такими неуклюжими, как раньше, он начал понемногу отвечать. Чжао Юйяо был слегка удивлен: он-то думал, что этот человек — совсем чурбан.

Завладев инициативой, он принялся по очереди пробуждать в нем чувства. Движения становились всё более смелыми, и Се Вейчжао, не в силах сдержать натиск, заметался, но был зажат в объятиях, откуда не было пути к отступлению.

Когда поцелуй закончился, Чжао Юйяо с усмешкой разглядывал его: лицо покраснелось, взгляд слегка затуманился. Се Вейчжао обмяк в его руках, тяжело дыша, а уголки губ Чжао Юйяо приподнялись.

Всё-таки хотелось сломать его, но было жаль.

Позабавившись над Се Вейчжао, Чжао Юйяо почувствовал, что настроение заметно улучшилось. Заметив, как тому неуютно, он перестал удерживать его в объятиях.

Налей мне чаю, — небрежно бросил Чжао Юйяо, потянувшись к лежащему на столе докладу.

Се Вейчжао наконец смог перевести дыхание и под предлогом заваривания чая словно сбежал из-под его бока. Он поймал себя на мысли, что уже начинает привыкать к подобному, и горько усмехнулся. Видимо, он окончательно смирился с ролью заложника.

Подав чай Чжао Юйяо, Се Вейчжао вновь превратился в невидимую тень, растирающую тушь. Только сегодня Чжао Юйяо был особенно раздражен, и Се Вейчжао не смел издать ни звука.

Сяо Юй! Приведи ко мне заместителя министра финансов! — взревел Чжао Юйяо и, не сдержавшись, смахнул со стола чайную чашку.

Се Вейчжао впервые услышал имя евнуха Сяо. Оказывается, его звали Сяо Юй. Судя по имени, он был не из простых семей. Возможно, его жизнь сложилась так же непросто, как и у него самого.

Евнух Сяо получил приказ и вышел, на ходу бросив взгляд на Се Вейчжао.

Се Вейчжао на мгновение замер и сказал Чжао Юйяо: У Вашего Высочества дела, боюсь, мне здесь находиться неуместно.

Чжао Юйяо с помрачневшим лицом сидел в кресле, снова вертя на пальце нефритовое кольцо. Услышав слова Се Вейчжао, он не ответил ни да, ни нет.

Се Вейчжао растерялся, не понимая, что это значит. Но речь шла о делах двора, и ему, как приближенному императора, лучше было бы удалиться.

Он начал медленно пятиться, склонив голову, но стоило ему собраться развернуться и уйти, как раздался низкий, ледяной голос Чжао Юйяо:

Стой! Оставайся здесь.

Се Вейчжао почувствовал, как по спине пробежал холодок, и молча отступил обратно, замирая подле него.

Чжао Юйяо и сам не знал, почему оставил его. Возможно, только в его присутствии он мог контролировать свои эмоции. Только перед ним Чжао Юйяо не был столь свиреп.

Придворные за глаза называли его хладнокровным, и Чжао Юйяо считал, что они правы. Вспомнив их первую встречу в водной темнице, когда Се Вейчжао так же проклинал его за жестокость, он лишь усмехнулся.

Чжао Юйяо не считал себя нерешительным. Ему не нужно было беспокоиться о своем образе в глазах чиновников, он не обращал внимания на то, что о нем думают другие, — ему было плевать.

У него была высшая власть, и никто не смел ему перечить.

Но на этом всё и заканчивалось. Он действительно жил без чувств. С тех пор как взял власть в свои руки, он не чувствовал, чтобы хоть что-то могло по-настоящему заинтересовать его.

Кроме... Се Вейчжао. Его появление вдохнуло в него хоть каплю жизни.

Евнух Сяо ввел человека в зал: Ваше Высочество, заместитель министра финансов прибыл.

Едва переступив порог, чиновник рухнул на колени. Он и представить не мог, что не успеет Чиновник Ци приказать начать расследование в Министерстве финансов, как его уже вызовут во Дворец Циньчжэн.

Всё произошло слишком внезапно, он не успел подготовиться. Но он понял: сегодня он, скорее всего, сложит голову в этом дворце.

Ваше Высочество, пощадите... Ваше Высочество, умоляю, пощадите! В минуту помрачения я совершил ошибку, прошу, сжальтесь! — Заместитель министра финансов распростерся на полу, дрожа как осиновый лист.

Ха! Помрачение? Ты посмел разворовывать средства на помощь пострадавшим от бедствия? Знаешь ли ты, в каком положении оказались люди в Хуанчжоу? Трупы повсюду! А ты! В столице предавался роскоши и разврату, жирея на крови простого народа!

Чжао Юйяо подошел к нему и с силой пнул, опрокидывая на пол. Его голос звучал ледяным холодом: У тебя неплохая хватка. Если бы я не приказал своим людям провести тайное расследование, ты бы еще долго продолжал наслаждаться жизнью.

Чиновник понял, что спасения нет, и, вскочив, принялся отчаянно бить поклоны. Глухие звуки ударов о каменный пол отдавались в тишине зала с пугающей четкостью: Пощадите! Ваше Высочество, умоляю, пощадите!

Се Вейчжао смотрел на это жалкое зрелище с отвращением: такой человек заслуживал только мучительной смерти.

Не успел он об этом подумать, как Чжао Юйяо приказал увести его на казнь через линчи, а весь его род отправить в ссылку на окраины империи. Услышав это, чиновник лишился чувств прямо посреди зала. Его выволокли вон.

Се Вейчжао побледнел. Он не ожидал, что всё произойдет у него на глазах. Одно слово — и оборвется столько жизней. Неужели когда-то и его семью точно так же отправили в ссылку по одному указу?

Чжао Юйяо вернулся к столу. Рядом с ним Се Вейчжао стоял словно лишенный души.

Что, телохранитель Се, испугался моей жестокости?

Се Вейчжао подавил нахлынувшие чувства, но не смог удержаться: Он, конечно, заслуживал смерти, но разве его родные невинны?

Чжао Юйяо насмешливо улыбнулся, его голос был тихим, полным мрака и сарказма: Невинны? Семья — это одно целое: один процветает — процветают все, один страдает — страдают все. Нельзя же позволить им пользоваться выгодой, но не разделять боли, верно? Разве я не проявил милосердие, избавив его от страха перед смертью? Теперь на дороге в загробный мир ему будет с кем разделить путь. Думаю, так он будет спокойнее.

Се Вейчжао нечего было ответить, он предпочел замолчать. Что ж, жестокость — его естество, и пытаться говорить с таким человеком о невинности было лишь признаком собственной глупости.

До тех пор, пока это позволяет запугать остальных, жизни других для него не более чем муравьи.

В императорском доме всегда так было, и он сам был лишь таким же муравьем.

После того дня Се Вейчжао не следил за событиями. Лишь слышал, как в темницы бросают всё новых чиновников, из-за чего среди вельмож царила паника. Планы Се Вейчжао по привлечению чиновников на свою сторону пришлось временно отложить.

<http://bllate.org/book/21888/2273280>